

III. Полемічна трибуна

УДК 821.111-21Шек.09

Краснящих Андрей
(Харьков)

Гамлет – шут, сумасшедший, сумасшедший шут?

Краснящих Андрей. Гамлет – блазень, божевільний, боже-
вільний блазень?

Одне з ключових питань фабули «Гамлета» В. Шекспіра – чи справді Принц божеволіє, чи лише прикидається, грає божевільного, аби відвернути увагу ворогів, поки він реалізує власний план помсти. Традиційно шекспірознавство дотримується версії про симуляцію Гамлетом божевілля, оскільки в іншому разі його поведінка, думки та почуття позбавлені логіки й абсурдні, а весь вкладений у «вічний образ» Гамлета гуманістичний пафос втрачає сенс. У статті розглядається можливість трактування шекспірівського Гамлета як блазня: визначаються роль і місце фігури блазня в художньому світі В. Шекспіра, «блазеньські» характеристики поведінки Гамлета, сюжет п'єси аналізується через блазенство протагоніста і «фальшиве блазенство» його суперників. У міфологічному підтексті п'єси виявляються категорії короля-деміурга і блазня-трікстера, що відповідають за сакральну і профанну сфери світоустрою.

Ключові слова: Гамлет, божевільний, блазень, трікстер, деміург, профанне, сакральне.

Один из ключевых вопросов фабулы «Гамлета» – сходит ли с ума принц или всего лишь притворяется, играет сумасшедшего, чтобы отвлечь внимание врагов, пока он реализует свой план мести?. Шекспироведение, как правило, придерживается версии о симуляции Гамлетом безумия, ведь в ином случае его поведение, его

III. Полемична трибуна

мысли и терзания – это бред и лишённые логики действия сумасшедшего, и весь вкладываемый в этот «вечный образ» гуманистический пафос просто теряет смысл, выхолащивается само понятие гамлетизма. Промежуточные полуверсии – о том, что у Гамлета вследствие сильной меланхолии, т. е. депрессии, временные помутнения сознания или что он заигрывается в умалишённого и маска прирастает к лицу¹, вопроса не решают, не отвечают на него, т. к. по сути вопрос о сумасшествии Гамлета – это вопрос о том, контролирует ли он себя, придерживается ли в своих действиях плана, стратегии, или подчинён сиюминутным иррациональным импульсам, и следовательно, поведение его бессмысленно и хаотично.

В то же время в шекспироведении – и не только в нём, но и в мировой литературе – время от времени проскальзывает версия о Гамлете-шуте, которая при достаточной разработке, и если подвести под неё методологию мифокритики, способна многое объяснить, вернее, переобъяснить в сюжете и по-своему ответить на ключевой вопрос.

Так, в «Эликсирах Сатаны» (1816) Э.Т.А. Гофмана парикмахер-актёр Петер Шенфельд (Пьетро Белькампо) говорит главному герою брату Медарду: «Шутовство – это щит от безумия, и смею вас заверить, ваше преподавание, что я даже при норд-норд-весте прекрасно отличаю церковную колокольню от фонарного столба...»². Вторая часть драматургической тетралогии Перси Маккея «Тайна

¹ Например: «С одной стороны, он действительно решил притвориться безумным, чтобы вуалировать свои действия. С другой стороны, он постепенно вовлекается в своё безумие. (...) Можно предположить, что в психопатической натуре Гамлета имелась изначальная эндогенная склонность к психотическому восприятию мира, которая актуализировалась благодаря галлюцинации (...)» [Руднев В.П. Словарь безумия / Вадим Руднев. – М. : Класс, 2005. – С. 92–93].

² Гофман Э.Т.А. Эликсиры Сатаны / Э. Т. А. Гофман ; [пер. с нем. Н. Славянского]. – М. : Республика, 1992. – С. 186.

Гамлета, короля Дании» (1949) называется «Шут в Райском Саду». В романе «Замок скрещённых судеб» (1969) И. Кальвино говорится: «Напротив, для юноши, сидящего перед ним, Шут лишь роль, которую он решил сыграть, удобная для созревания мести и сокрытия болезни духа, обезумевшего от преступных деяний его матери, Гертруды, и его дяди. И если это невроз, то в нём существует своя система, как в каждой системе – невроз»³. Владимир Рецептер в «Предлагаемых обстоятельствах» пишет: «Гамлет многолик. Он “выходит на сцену” то сумасшедшим, то “меланхоликом”, то “героем”, то “шутлом”»⁴.

Таким образом, видим, что подходы к обсуждению версии Гамлета-шута были, но необходимого научного осмысления не получили. Отсюда следует **актуальность** темы нашей работы, **целью** которой является текстуальное обоснование возможности трактовки поведения Гамлета как принципиально для него шутовского. **Задачами** исследования, конкретизирующими данную цель, будут 1) выявление роли и места фигуры шута в художественном мире В. Шекспира; 2) опредмечивание «шутловских» характеристик образа и поведения Гамлета; 3) анализ сюжета пьесы через «шутловство» Гамлета и других персонажей; 4) рассмотрение мифологической подоплёки «шутловских» категорий в пьесе.

Научная новизна работы определяется тем, что выдвинутая в ней гипотеза Гамлета-шута получает концептуальное обоснование с точки зрения мифопоэтики пьесы, что даёт возможность нового её прочтения – через универсальные категории мифологической картины мира.

³ Кальвино И. Незримые города. Замок скрещённых судеб / Итало Кальвино; [пер. с ит. А. Гавриленко, А. Толочко]. – К. : Лабиринт, 1997. – С. 371.

⁴ Рецептер В. «Предлагаемые обстоятельства» / Владимир Рецептер // Знание – сила. – 1974. – № 12 – С. 34.

III. Полемична трибуна

Объектом исследования является драма В. Шекспира «Гамлет», **предметом** – мифопоэтика данной пьесы.

Шут вообще очень важная фигура в художественном мире Шекспира, в каждом из его произведений есть или собственно шут, или персонаж, функционально его замещающий, выступающий в роли шута. В некоторых случаях его поведение, речи, ситуация, в которую он попадает, напоминают ситуацию Гамлета, его положение, его речи, что может свидетельствовать об общей идее или комплексе идей, разрабатывавшихся драматургом на различном сюжетном материале. Это хорошо видно и в пьесах, созданных за год-два до «Гамлета», и несколько лет спустя, и даже в ранний период творчества, до смерти сына Гамлета. В комедии «Как вам это понравится» (1599) Жак-меланхолик, любящий «меланхолию больше, чем смех», решает, будучи дворянином, стать шутом: *«Оденьте в пёстрый плащ меня! Позвольте // Всю правду говорить – и постепенно // Прочищу я желудок грязный мира, // Пусть лишь моё лекарство он глотает»*⁵. И это при том, что в пьесе уже есть шут – Оселок. В трагедии «Король Лир» (1605) тоже есть шут, но становится шутом и сходящий с ума Лир. Притворяется шутом, причём с целью отомстить, Юний Брут в поэме «Лукреция» (1594): *«Он блажь былую в ране схоронил. // Ведь Рим его невысоко ценил: // Так короли шутов не уважают // За то, что часто вздор они болтают. // Он шутовской наряд отбросил прочь // (Была здесь хитрость – вот и вся причина!), // И ум блеснул <...>»*⁶.

Что же в пьесе «Гамлет» свидетельствует о том, что на герою шутовской наряд, а не рубище сумасшедшего?

⁵ Шекспир У. Как вам это понравится / Уильям Шекспир ; [пер. с англ. Т. Щепкиной-Куперник] // Шекспир У. Комедии. – М. : Правда, 1987. – С. 589.

⁶ Шекспир У. Лукреция [Электронный ресурс] / Уильям Шекспир ; [пер. с англ. Б. Томашевского]. – Режим доступа : <http://shakespeare.ouc.ru/lukresecu.html10>

Когда он после встречи с Призраком предупреждает друзей, Горацио и Марцелла, что вскоре до неузнаваемости изменится и его поведение станет странным и причудливым, то не объясняет, не раскрывает плана, какого рода причуды это будут. В следующем акте пьесы, спустя два месяца, Гамлет уже изменившийся, окружающие думают, что он обезумел от горя, – и мы идём у них на поводу, считая, что да, он прикидывается сумасшедшим.

В средневековой Англии, как правило, не делалось различий между шутком и сумасшедшим, и тех, и других, пишет, например, А.А. Аникст: «считали умственно ненормальными. Недаром английское слово “шут” равнозначно слову “дурак” (fool). Именно этим словом обозначает своих шутов Шекспир <...>. Речи шутов, то есть дураков, приравнивались к речам безумцев. Им позволялось говорить что угодно»⁷.

Однако же сам Шекспир эти различия делает, для него шут и сумасшедший далеко не одно и то же. Основная функция шута в мире Шекспира – это игра, пересмеивание, шут только номинально дурак, а на самом деле должен быть умнее остальных, глубже проникать и шире охватывать суть вещей. Так, в «Двенадцатой ночи» (1600), написанной Шекспиром непосредственно перед «Гамлетом», Виола говорит о

⁷ Аникст А.А. Трагедия Шекспира «Гамлет». Литературный комментарий / А. А. Аникст. – М.: Просвещение, 1986. – С. 92. К слову, А.А. Аникст вплотную подходит к версии Гамлета как шута, но при этом всё-таки не отказывается от общераспространённой трактовки Гамлета как симулирующего безумие: «Во времена Шекспира ещё сохранялось унаследованное от средних веков отношение к сумасшедшим. Их причудливое поведение служило поводом для смеха. Прикидываясь безумным, Гамлет одновременно как бы надевает на себя личину шута. Это даёт ему право говорить людям в лицо то, что он о них думает. Гамлет широко пользуется этой возможностью» [Там же. – С. 93]. Однако до этого А.А. Аникст говорит: «Обычно у Шекспира носителями комического являются персонажи низкого звания и шуты. В “Гамлете” нет такого шута. Правда, есть третьестепенные комические фигуры <...>» [Там же. – С. 34].

III. Полемична трибуна

шуте Фесте: *«Он хорошо играет дурака. // Такую роль мудрец не одолеет: // Ведь тех, над кем смеёшься, надо знать, // И разбираться в нравах и привычках, // И на лету хватать, как дикий сокол, // Свою добычу. Нужно много сметки, // Чтобы искусством этим овладеть. // Такой дурак и с мудрецом поспорит, // А глупый умник лишь себя позорит»*⁸.

Шут внимателен, наблюдателен, аналитичен – это качества, которых в силу самой болезни лишён страдающий расстройством психики. Их поведение, речь для Шекспира – разные дискурсивные практики. Сумасшедший погружён в собственный внутренний мир, это отражается на его поступках и речи – внешне бессвязной, отрывистой, нелогичной, хаотизированной. Достаточно сравнить то, как изъясняется притворяющийся сумасшедшим Эдгар в «Короле Лире», с монологами и репликами Гамлета. Эдгар говорит о себе в третьем лице, короткими рублеными фразами, его речь как бы постоянно дёргается и сбивается с ритма, и самое главное, он выдерживает серьёзный тон, ни грамма лукавства: *«Храни бог ваш ум в целости. Брр, Тому холодно! Чур вас от вихря, от порчи, от звёздного сглаза. Подайте Тому на пропитание. Бес мучит его. Вот он, поганый! Ну, погоди! Вот я его! Вот я его!»*⁹. Речи ж Гамлета хоть и непонятны, абсурдны для окружающих, но все ощущают, что в них есть какая-то своя, внутренняя логика и тайный, герметичный смысл¹⁰.

⁸ Шекспир У. Двенадцатая ночь / Уильям Шекспир; [пер. с англ. Э. Линецкой] // Шекспир У. Комедии. – М.: Правда, 1987. – С. 712.

⁹ Шекспир В. Король Лир / Вильям Шекспир; [пер. с англ. Б. Пастернака] // Шекспир У. Пьесы. Сонеты. – К.: Мистецтво, 1976. – С. 392. Такими же по построению и тональности фразами – прямо один в один – будет выражаться и полоумный Сальватор в «Имени розы» (1980) Умберто Эко.

¹⁰ *«Хоть это и безумие, но в нём есть последовательность»* [Шекспир У. Трагедия о Гамлете принце Датском (Bilingua) / Уильям Шекспир; [пер. с англ., вступ. ст., прим. М. Лозинского]. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – С. 133], – говорит Полоний. *«И речь его, хоть в ней и мало строя, // Была не бредом»* [Там же. – С. 187], – вторит ему Клавдий.

И что важнее – но этого окружающие не понимают, вернее, отказываются понимать, ибо тогда им придётся увидеть себя такими как есть, – Гамлет постоянно ёрничаёт, глумится над ними, пародирует их. Даже Офелия, когда язвительные слова Гамлета переходят рамки приличия, перерастают в оскорбительную грубость, ведёт себя более чем сдержанно, ведь сумасшедшему всё простимо.

Гамлета до поры до времени – пока он вынашивает план мести и терзаем сомнениями, готов отказаться от него – не задевает, что его, играющего в шута, принимают за умалишённого, он не протестует, даже соглашается: *«Я безумен только при норд-норд-весте <...>»*¹¹ и т. д. Но после первой пролитой им крови, когда назад пути отрезаны и необходимо переходить к решительным действиям, не просто возражает, он возмущённо отвечает матери на её слова о его умоисступленьи: *«Умоисступленье»? // Мой пульс, как ваш, размеренно звучит // Такой же здоровой музыкой; не бред // То, что сказал я; испытайте тут же, // И я вам всё дословно повторю, – // А бред отпрянул бы»*¹².

Итак, основное отличие шута от сумасшедшего в том, что шут – пересмешник и пародист, а сумасшедший – нет. В пьесе Гамлет пародирует или передразнивает всех своих противников: Клавдия, Полония, мать, Розенкранца и Гильденстерна, Офелию, Лаэрта, Озрика, даже появляющегося в пьесе один раз как посланец короля, неназванного по имени лорда. Гамлет – самый главный шут в пьесе, но есть в ней и шуты помельче – не осознающие себя шутами, но ведущие себя, как шуты, – в глазах Гамлета. И прежде всего это Полоний, о котором Гамлет говорит (Офелии): *«Пусть за ним запирают двери, чтобы он разыгрывал дурака только у себя»*¹³ (в

¹¹ Шекспир У. Трагедия о Гамлете принце Датском (Bilingua) ... – С. 151.

¹² Там же. – С. 251.

¹³ Там же. – С. 183.

III. Полемична трибуна

оригинале «*may play the fool*»¹⁴), – а убив его, обращается к трупу со словами: «*Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!*»¹⁵ (в оригинале, опять же, «*fool*»¹⁶). Полоний вообще, а не только с точки зрения Гамлета, ведёт себя как шут. В. Рецеттер замечает: «Безусловно, шутовская маска как бы пристала к лицу этого человека, и роль, которую он играет при Клавдии, выглядит шутовской»¹⁷. Но и сам Клавдий для Гамлета – «*шут на троне*» и «*Король из пёстрых тряпок*»¹⁸. Как шуты ведут себя также Розенкранц и Гильденстерн, и Озрик. Они в глазах Гамлета профанаторы самой идеи и всей системы королевской власти – и одновременно узурпаторы роли и функции шута, фиктивные, ложные шуты, разрушающие этим структуру мироздания, государственный порядок.

Но перед тем, как перейти к мифопоэтической подоплёке сюжета, следует вспомнить и о том, кого Гамлет в детстве любил так же, как отца, кто с ним в детстве постоянно играл: «*он тысячу раз носил меня на спине*», и чьи губы, по его собственным словам, Гамлет «*целовал сам не знаю сколько раз*»¹⁹, – т. е. о настоящем, так сказать, полноправном шуте Йорике, умершем двадцать три года назад от времени действия пьесы.

Король и шут – «*Всё, что надо. Голова и хвост*»²⁰, – говорит шут в «Короле Лире». В средневековой мифопоэтической картине мира шут был символическим близнецом короля, недаром у шута была своя корона – колпак с бубенцами, и свой скипетр: погремушка в руке. И вместе король и шут как бы составляли единое целое,

¹⁴ Там же. – С. 182.

¹⁵ Там же. – С. 241.

¹⁶ Там же. – С. 40.

¹⁷ Рецеттер В. «Предлагаемые обстоятельства» / Владимир Рецеттер // Знание – сила. – 1974. – № 11. – С. 39.

¹⁸ Шекспир У. Трагедия о Гамлете принце Датском (Bilingua) ... – С. 247.

¹⁹ Там же. – С. 345.

²⁰ Шекспир В. Король Лир ... – С. 387.

комплект, один правил сакральной сферой, другой – профанной; и эти сферы не смешивались, если каждый из них выполнял свой долг как следует: король поддерживал порядок в государстве, шут насмешкой и пародией испытывал этот порядок на прочность, и если где-то образовывалась брешь, если шутка попадала в цель, значит, там порядок, справедливость были нарушены. Шут был необходим королю: по сути дела, он, находящийся в самом низу социума²¹, один не боялся и имел право говорить королю правду, какой бы она ни была, – пусть и в ёрнической, комической форме. И необходим всему мироустройству – выполняя очистительную и санитарно-профилактическую функцию.

Идя глубже, в мифологическую эпоху, мы находим короля и шута в образе близнецов демиурга и трикстера – двух полюсов и двух самых необходимых компонентов мироздания, от которых зависят или производны остальные компоненты; а ещё глубже, в безбинарной, безопозиционной картине мира видим их, демиурга и трикстера, как одно демиургическое существо.

В мифологическом подтексте пьесы мироздание и государственный порядок разрушены не столько потому, что везде ложь, лицемерие и предательство²², это всё последствия, причина в том, что на троне фальшивый король²³ и рядом с ним фальшивый шут Полоний – льстивый и лебезящий. Гамлет же, кроме того, что наследник своего отца, ещё и – символически, не зря же в тексте говорится о поцелуях, знаках посвящения, переда-

²¹ Аникст А.А. Цит. изд. – С. 92.

²² Это – всеобщий упадок – так или иначе ощущают все, а не один лишь Гамлет. Фраза «Подгнило что-то в Датском государстве» [Шекспир У. Трагедия о Гамлете принце Датском (Bilingua) ... – С. 79] принадлежит Марцеллу.

²³ «О, мерзость! <...> // Такой достойнейший король! Сравнить их – // Феб и сатир» [Там же. – С. 45], «<...> дядей, который на отца похож не боле, // Чем я на Геркулеса» [Там же. – С. 47], – говорит о прошлом и нынешнем короле Гамлет.

III. Полемична трибуна

чи полномочий – преемник шута Йорика. (Противоречивость мыслей Гамлета, смены тона и настроения, двойственность его поступков также могут быть объяснены различными нормами поведения, серьезного, королевского, и шутовского.) Для восстановления порядка Гамлету необходимо очистить место короля и место шута от самозванцев, и сделать это самому («*Век расшатался – и скверней всего, // Что я рождён восстановить его!*»²⁴), потому что других полноправных претендентов нет. Первым погибает от его руки подложный шут – в фабуле пьесы смерть Полония выглядит ошибочной, случайной, но мифологический план делает её объяснимой и закономерной.

Проблема, конечно, в том, что и очистив трон и место шута, Гамлет не сможет занимать их одновременно, поэтому он изначально обречён, чувствует свою смерть, всё время думает о ней, говорит о ней, – и принимает её как должное.

Можем констатировать, что версия Гамлета как шута даёт новые возможности для прочтения заложенных в текст пьесы смыслов и, что важно, позволяет глубже проникнуть в мифологический подтекст сюжета. Для полноты же его, мифологического подтекста, охвата следует также рассмотреть роль в «гамлетовско-шутовской» линии сюжета образов Офелии и Горацио, а также связанный по проблематике с этой линией мотив противопоставления в «Гамлете» здравого смысла и природного, естественного начала в человеке.

---

²⁴ Там же. – С. 99. В переводе А. Кронеберга мифопоэтически чуть точнее: «*«...» пала связь времён! // Зачем же я связать её рождён!*» [Шекспир У. Гамлет [Электронный ресурс] / Уильям Шекспир; [пер. с англ. А. Кронеберга]. – Режим доступа : <http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet2.txt>